

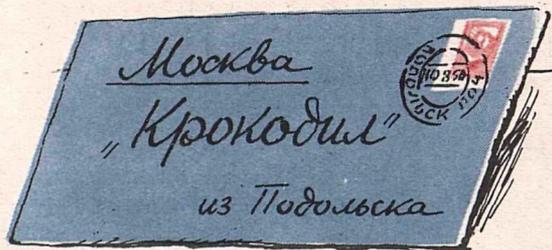
ХОРОШИЙ ТРУДОДЕНЬ ГОД КОРМИТ

В колхозах, выполнивших план заготовок, начали выдачу авансов на трудодни.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Батюшки! Чтобы вывезти эти трудодни, целая неделя понадобится!

ЧУДЕСА В МЕШКОТАРЕ

Дорогой Крокодил!

В ОТ такая на днях происходила у нас беседа. Председатель колхоза имени Чкалова Сергей Васильевич Шинов с радостью рассказывал о богатом урожае, с восхищением говорил о новых сельскохозяйственных машинах, с восторгом отзывался об успехах животноводов, и вдруг... Вдруг лицо председателя приняло скорбное, печальное выражение.

— Что с вами, Сергей Васильевич?

— О мешках придётся говорить... Ужасная мешкотара. Будете в райпотребсоюзе, — полюбозытствуйте.

Мы полюбозытствовали. Работник райпотребсоюза товарищ Карасёв дал нам образцы злополучной мешкотары и сказал, что мешок сам по себе неплох, но нужно уметь пользоваться им. Инструкцию нужно наизусть усвоить: нельзя мешок в сырости

держат, иначе он, чего доброго, расплзётся. Нельзя делать с ним резких движений, иначе он, чего доброго, лопнет. Нельзя тереть о твёрдое, иначе он, чего доброго, обратится в прах. Ткань не выдержит. А сыпать в него картошку? Товарищ Карасёв подумал, подумал и ответил:

— Картошку? Нет, картошку лучше воздерживаться сыпать.

— А зерно?

— Зерно, пожалуй, можно. Но, конечно, по усмотрению председателя колхоза. Не досыпать немного бы надо. Иначе может не выдержать. И вообще рекомендуется не перегружать эту мешкотару. Поаккуратнее...

У нас было представление о мешке как о плотном, крепком произведении ткацкого искусства. Теперь же мы увидели изделия прозрачные, немошные, нечто среднее между марлей и рогожей. Нам поведали родословную этих капризных мешкотарных изделий:

— Мосшвейремсоюз. Серпуховская швейно-ремонтная артель. Мешок из саржи. Цена 23 рубля.

Мособлшвейсоюз. Верейская артель «Вперёд». Мешок из суровой бязи. Цена первого сорта 22 рубля.

— Неужели есть ещё и второй сорт?! — панически воскликнул кладовщик райпотребсоюза, отличавшийся до поступления партии мешков крепким здоровьем и железными нервами.

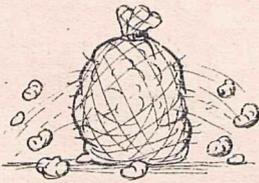
— И даже третий сорт имеется, — ответил выдавший виды Карасёв. — Из Михнева управляющий подольской конторой Сельхозснаба Мордвинцев привёз пятьсот мешков, сделанных из какой-то кручёной ваты, обтянутой паутиной... Правда, те мешки дешевле на шесть рублей, но зато уж в них сыпать что-нибудь категорически воспрещается. Так что Московский облпотребсоюз, можно сказать, несколько опередил Сельхозснаб по качеству товара.

Спустя некоторое время я снова беседовала с Сергеем Васильевичем Шиновым из колхоза имени Чкалова. Он с восторгом рассказывал о замечательном урожае, о боевой готовности колхоза к уборке. И вдруг... Вдруг он заметил на моём лице скорбное, печальное выражение.

— Что с вами, товарищ Лагута?
— Да вот в райпотребсоюзе мешками интересовалась... Одним словом, чудеса в мешкотаре!

Е. ЛАГУТА,
заведующая сельхозотделом райкома ВКП(б)

г. Подольск.

ЛОЖКА ДЁГТЯ

Товарищ Крокодил!

ПЧЕЛОВОД колхоза «Путь Ильича» показывал нам большую артельную пасеку и горделиво говорил:

— Вот уж именно бочка мёда в каждом улье. Бочка мёда. — А ложки дёгтя нет? — лукаво спросил член ревизионной комиссии, намекая на что-то, лишь ему одному понятное.

— Полноте! — решительно ответил пчеловод. — Насчёт ложки дёгтя можете не беспокоиться. Не сыщете и днём с огнём. Ни в кооперации, ни в Сельхозснабе, ни в кладовой. Ложка дёгтя! Шутка сказать! И не видывали последний год. В других районах запрашивали, — полный отказ.

И мы переменяли медовую тему на дегтярную. Нет дёгтя! А он нужен для сбури. Какой колхозник этого не знает? Не обойтись в шорном деле без дёгтя. А нет. Дефицит!

Мы пытались в Подольске, в районном центре, узнать, где бы можно достать для крупного колхоза хотя бы одну бочку дёгтя.

— Бочку? — недоуменно спросили в райпотребсоюзе. — Не достанете. Ложку ещё, может быть, найдёте в аптеке, а бочку — никак.

Мы выяснили, что когда-то местный леспромхоз и местный лесхоз из местной берёзы успешно выгоняли местный дёготь. Сейчас местный леспромхоз существует, местный лесхоз преуспевает, местная берёза на славу растёт, а местного дёгтя нет и нет, никто его не вырабатывает. Сохнут хомуты, чересседельники, уздечки.

Выходит, что не всегда плохо иметь к бочке мёда хотя бы ложку дёгтя.

Н. ШКИРЕВ,
агроном

КОСА НА КАМЕНЬ

Уважаемый Крокодил!

РАЙОННЫЙ агроном Михаил Борисович Хруслов яростно кричал кому-то в телефонную трубку:

— Наказывать надо! Я и говорю, наказывать! И строго наказывать!

Когда Михаил Борисович успокоился, мы спросили его, как идёт нынче работа в поле. Агроном поделился с нами последними данными районной сводки и со вздохом произнёс:

— Насчёт брусков надо поговорить.

Мы узнали много подробностей насчёт точильных брусков, коими полагается тонко, мягко, деликатно править косы и другой режущий инструмент. Истари бруски делались крепкими, гладкими, шлифованными. Но с некоторых пор в Подольский район прибывают бруски серии «Не тронь меня». После встречи с таким бруском коса становится шерботой. Эти новые изделия местной промышленности выпущены вопреки всякому здравому смыслу. При малейшем нажиме, при самом лёгком прикосновении брусок покорно разламывается на части. Эти бруски мягче иных пряников промкооперативной выпечки. А в воде они ведут себя не лучше пряников. Набухают.

— Вот я об этом и говорю, — сказал нам Михаил Борисович, снова взялся за телефонную трубку и яростно закричал: — Нужно наказывать! Что? Из МОСПО эти бруски? Так откажитесь от этих гостинцев! — Михаил Борисович снова рассердился.

Учётчица Маруся многозначительно сказала:

— Нашла коса на камень!

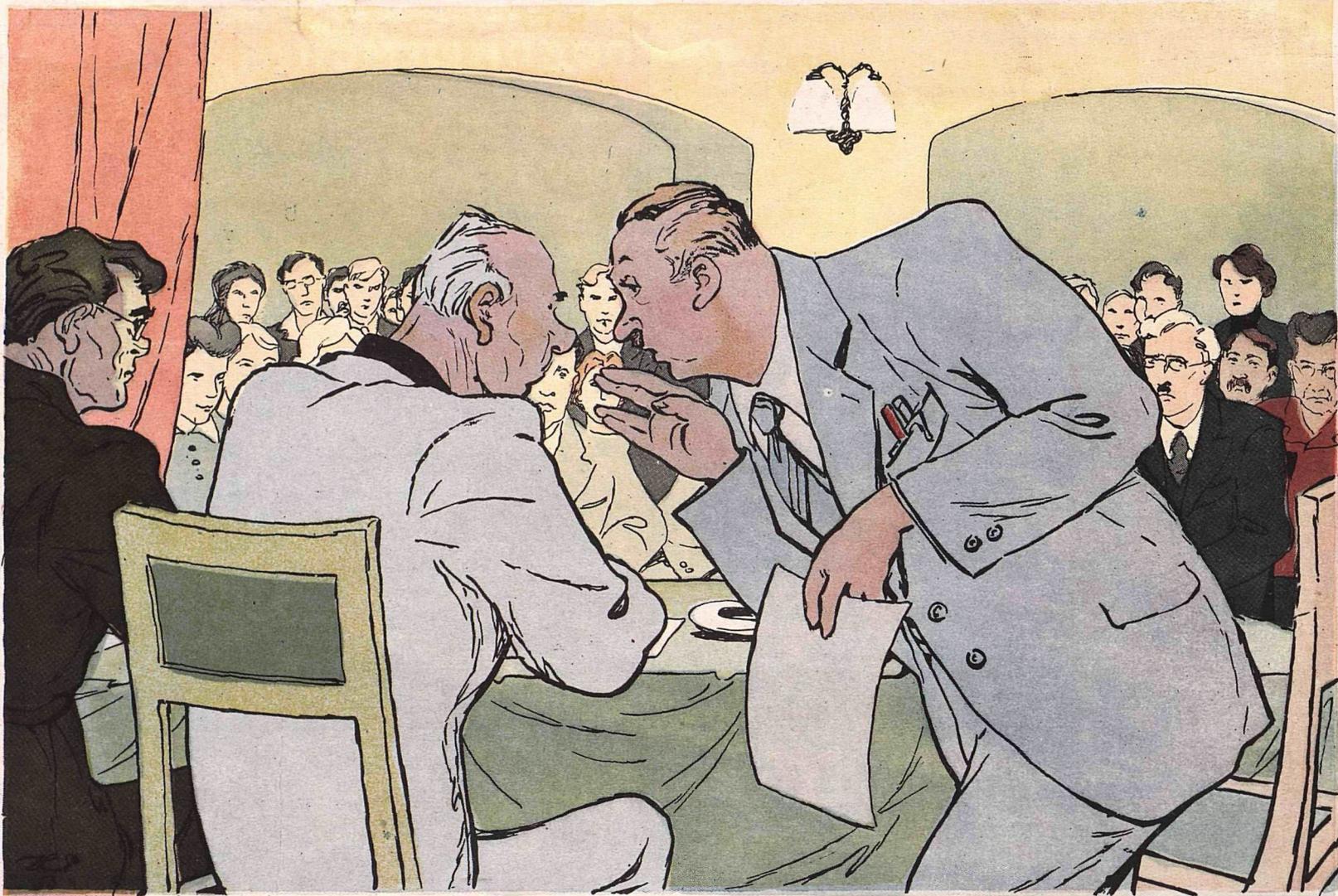
Н. АВДЕЕВ,
редактор газеты «Подольский рабочий»

...не только на словах...

...но и на деле.

— Ты начинай собрание, а я тем временем подумаю насчёт повестки дня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ колхоза «Заря» Игнат Петрович Переделкин, с трудом сдерживая негодование, говорил счетоводу: — Помнишь, как директор МТС отчитывался перед нами? Как его песочили! Зря не записали тогда, что МТС работала плохо. Слиберальничали. Начал директор каяться: дескать, на ошибках учимся... А мы уши распустили...

— Он на ошибках не первый год учится, — прогудел счетовод. — Он в этих ошибках, как козёл в репьях.

— Хватит! Теперь конец! Я этого так не оставлю! Один трактор второй день стоит, другой только пытит. Безобразие! Сейчас я с директором поговорю.

Переделкин завертел ручку телефонного аппарата.

— МТС? Говорит Переделкин. Иван Демьянович, тракторы второй день не работают. Как почему? Задний мост полетел! Что? Совесть-то у вас есть?

Через минуту Переделкин обиженно повесил трубку.

— Совесть, говорит, есть, а вот запасных частей нет. Ничего, я теперь их договором ударю.

— Верно, Игнат Петрович! — обрадовался счетовод. — Давно бы так. Из-за них мы план повышения урожайности не выполняем. Не работают, а как будто одолжение делают.

— Точка! Теперь они узнают, что значит критика. Помнят они Переделкина!

Председатель вытер пот и открыл окно. По огородам, размахивая руками, шёл полевод Мальков. Вскоре он стоял перед Переделкиным и докладывал:

— Не могу больше терпеть, Игнат Петрович! Ну что это за работа?! Одни насмешки!

— Золотые слова, — сказал Переделкин. — Гляди, Мальков, за качеством в оба!

— Я и слежу. Вот сейчас не принял у тракториста работу. Забраковал...

— То есть как забраковал? — испуганно спросил председатель.

— Согласно договору...

— Правильно! — одобрил счетовод.

— Постой. Стало быть, взял и... забраковал? — осевшим голосом осведомился Переделкин. — А ты подумал, что может быть от таких действий?

— Работать станут лучше, — ответил Мальков.

— А если в ответ на твоё действие директор возьмёт да и перебросит трактор в другой колхоз? Тогда что? На тебе пахать будем?

Воцарилось молчание. Где-то совсем близко затарахтел трактор. Спустя некоторое время в комнату вошёл тракторист, долговязый, развязный парень в сиреновой тубетейке, лихо сдвинутой на глаза.

— Ты куда собрался, Антон? — тревожно спросил Переделкин.

— Начальству звонить, — ответил тракторист, направляясь к телефону. — Отчаливать хочу. В другой колхоз. Может, там не такие гордые люди будут.

— Да ты брось, Антон!.. Стоит ли? Ну, посердились...

— Нет уж, отбудем...

Переделкин широкой спиной загородил телефон.

— Ну и обидчивый ты, парень! Прямо огонь. Такой красивый — и такой горячий. Остынь...

— Давно бы так, — сказал Антон и, подмигнув полеводу, вышел из комнаты.

— М-да, дела... — проворчал счетовод.

— Ну и фрукт, — начал председатель. — Таких только в нашей МТС увидеть можно. Бракодел проклятый! Нет, видно, с ними надо покруче. Придётся их договором ударить. Они ещё узнают у меня, что такое критика! Они ещё помнят Переделкина!

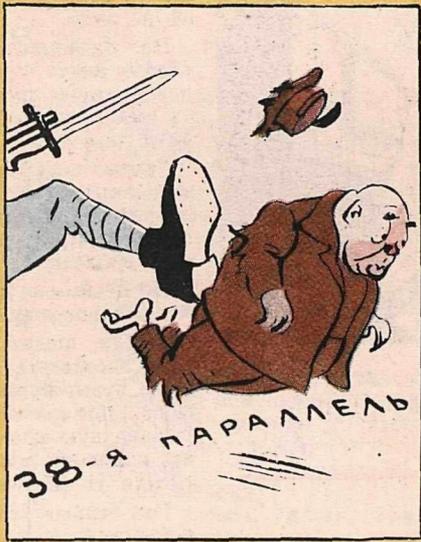
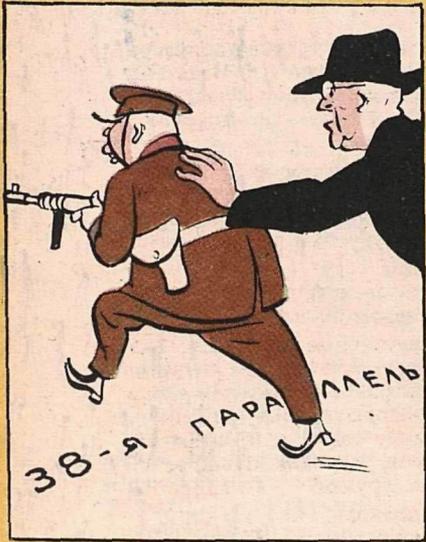
Председатель шумел долго. Но его уже никто не слушал.

В. МОСКАЛЕНКО

г. Обоинь.

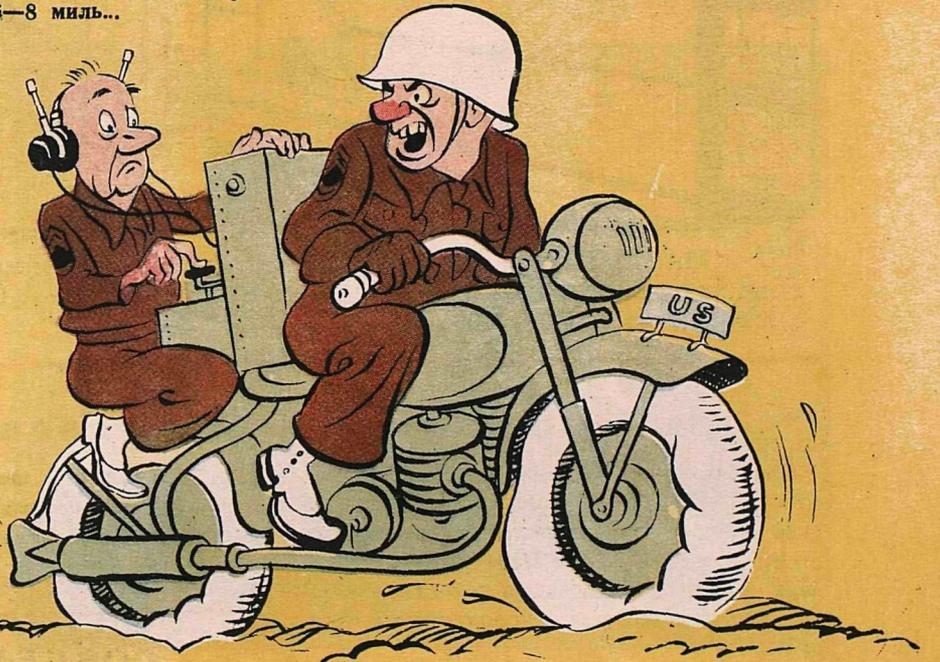
Нападение из-за угла...
Белого дома.

ТУДА И ОБРАТНО

Южнокорейские вояки дважды перешли границу: туда — с помощью американцев, обратно — с помощью Северной Корейской народной армии.

— Опять придётся сообщить, что американские войска отступили на 6—8 миль...
— Ни в коем случае! Передайте, что северокорейцы продвинулись на 6—8 миль...

НА ОДНО
ЛИЦО

— Никак не разберу, кто же из них лисьянмановский генерал, а кто американский советник?

Вид на Корею с американского бомбардировщика «Б-29».

Вид с Кореи на американский бомбардировщик «Б-29».

ЯНКИ ПРИСПОСОБИЛСЯ

Рис. С. ЧИСТЯКОВА

МАКАРТУР: — Безработица здесь есть; японские министры воруют не хуже наших; преследование коммунистов началось... Ол райт! Я чувствую себя совсем, как дома!

ОШИБКА „КЛУБА ЛГУНОВ“

При очередном соискании весьма уважаемого в США звания «чемпиона вранья» американский «Клуб лгунов» признал победителем безвестного жителя города Патришиа Л. В. Туппера. Он представил жюри рассказ, в котором мастерски сочетал действительность с выдумкой.

Не желая обидеть досточтимого мистера Туппера, необходимо всё же открыто и во всеуслышание заявить, что жюри сделало грубую, непростительную ошибку, зачислив этого рядового враня в чемпионы.

Разве мистер Туппер выступает с речами о миролюбии США в конгрессе? Разве он сотрудничает в «Голосе Америки»? Разве он выдвинут в «генеральный штаб пропаганды», который создаётся по инициативе генерала Эйзенхауэра? Этот провинциальный простак, мистер Туппер, вероятно, учился врать у простофили Мюнхгаузена, которого редакция «Голоса Америки» не пустила бы и на порог за бездарность.

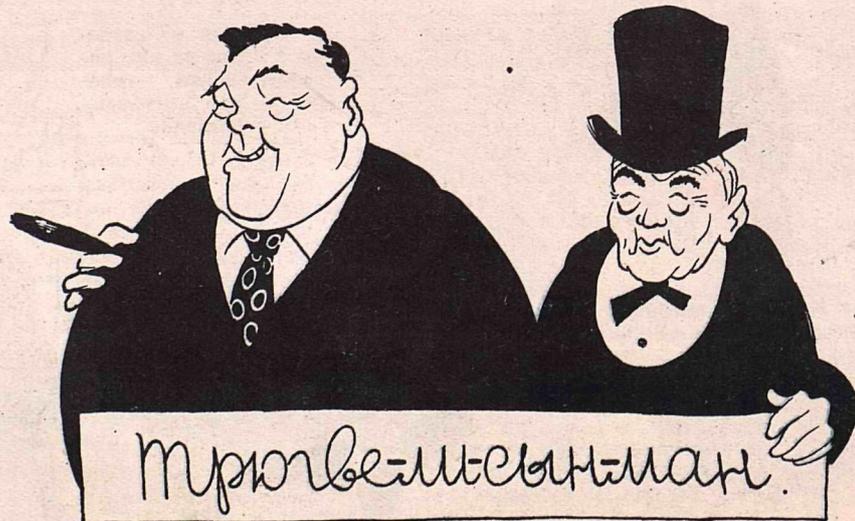
Бестактность «Клуба лгунов» просто поразительна. Выдвигать какого-то Туппера при наличии таких беспорных чемпионов лжи, как Ачесон, Даллес, Эйзенхауэр, Маршалл, Херст..

Сейчас, когда Трумэн потребовал у американского конгресса восемьдесят девять миллионов долларов на усиление пропаганды, есть не только возможность, но и неотложная необходимость исправить ошибку. Поручить это

надо «генеральному штабу пропаганды США», который с полным правом заменит такую устаревшую и некомпетентную организацию, как «Клуб лгунов».

СОВСЕМ НЕ ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

НЕУДАЧНЫЕ КОММИВОЯЖЕРЫ ТОТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ

НОЭЛЬ ШЕРРИ вернулся в Нью-Йорк! Мир легко мог проморгнуть это событие, если бы американский журнал «Тайм» на видном месте не опубликовал письмо своего издателя, мистера Джеймса А. Линена, к «дорогим читателям».

Из этого послания видно, что Шерри за полгода объехал полмира, посетил Гавайи, Сиам, Индонезию, Иран, Турцию, Израиль...

Пытливый путешественник имел возможность убедиться, «что влияние США сильно отражается на жизни народов». Правда, Шерри очень туманно сообщил, что в этих странах «очень много американцев в военной форме и в штатском... но очень мало денег!» Самым же ярким путевым впечатлением Шерри является полное отсутствие спроса на журнал «Тайм». Дело в том, что Ноэль Шерри — помощник заведующего отделом распространения «Тайма». Легко догадаться, что Шерри болтался по границам не как турист, совершающий увеселительную прогулку. Отнюдь нет! Везде и всюду перед ним возникал грозный перст государственного департамента США. Отсчитав издателю «Тайма» 360 тысяч долларов на усиление за границей тотальной пропаганды, департамент сурово предупредил: «Распространяйте — больше не дам!»

Но однажды купленный госдепартаментом «Тайм» никто вторично не покупает. Издателю для спасения престижа пришлось срочно пойти на выдумку: не берут, дескать, потому, что у человечества нет долларов.

Хитрый издатель забыл, что на обложке каждого номера «Тайма» написано: продаётся за египетские пиастры, иорданские милсы, иракские филсы, турецкие куруши и даже за греческие драхмы.

Но «Тайм» не идёт, хоть плачь! Такого читва, говорят повсюду, и даром не надо!

Деньги, щедро отпускаемые на идеологическую экспансию, летят как в воду, не оставляя даже пузырей на поверхности. Газетам «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн» на заграничную пропаганду также отпущено свыше миллиона долларов, журналу «Лайф» — 853 тысячи. И так многим другим.

Эти денежки уже плакали. Но Уолл-стрит не останавливается перед затратами. Газета «Дейли компас» недавно сообщила, что госдепартаментом разработан очередной план антикоммунистического крестового похода печати, радио и кино. На это тёмное дело ассигновано 225 миллионов долларов.

Г. ТОПОРКОВ

ПРАВОСУДИЕ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛО ЧЕРЕЗ... 30 ЛЕТ

В число благ американской демократии, кроме безработицы и судов Линча, входит и американское правосудие. С ним американцы хорошо познакомились во время недавних процессов над антифашистами, лидерами коммунистической партии США и прогрессивными сценаристами. Процессы вызвали всеобщее возмущение, и американские судьи поторопились продемонстрировать, что они умеют не только направлять людей в тюрьмы, но и освобождать их оттуда.

О подобном «освобождении» рассказывает газета «Уоркер». Недавно из тюрьмы был выпущен иностранец - иммигрант Калогеро Боскио. В 1920 году в Спрингфилде, штат Иллинойс, в игорном притоне разгорелись страсти, и в общей суматохе кого-то мимоходом зарезали. Во время этой американской будничной сценки поблизости

случайно оказался Боскио. Когда его арестовали и посадили в тюрьму, он думал, что задержан как свидетель: Боскио не знал английского языка, а переводчика ему взять не разрешили. Много позже Боскио узнал, что осуждён на пожизненное заключение за убийство, которого не совершил. Видимо, кому-то было выгодно свалить вину на беззащитного иностранца.

И вот ошибка была исправлена. Не прошло и тридцати лет, как на тюремной двери громыхнул засов и перед 68-летним Боскио предстали его тюремщики. С открытой американской улыбкой они сказали:

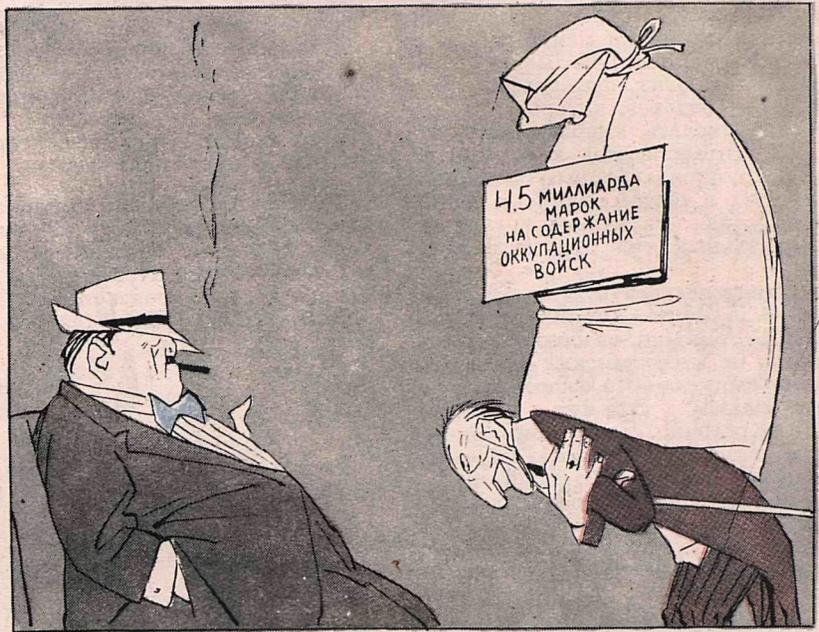
— Извините. Произошло небольшое недоразумение. Вы свободны.

У кого же после этого повернётся язык сказать, что в США в конце концов правосудие не торжествует?

АДЕНАУЭР СТАРАЕТСЯ

Оккупационные расходы составляют половину доходов Западной Германии и превышают сумму, предоставляемую ей по «плану Маршалла».

Рис. Л. СОИФЕРТИСА

ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ

ТРУМЭН за большие деньги надеется всё же изменить общественное мнение о США как о стране агрессии. Отсюда постоянные послания конгрессу с требованием увеличить ассигнования на пропаганду.

Оживлённая деятельность президента воодушевила также и различных изобретателей-пропагандистов.

Газета «Нью-Йорк дейли миррор» сообщает, что некто Теодор Х. Слоан из Вашингтона, штат Пенсильвания, ещё во время первой мировой войны предлагал при помощи баллонов-шаров, начинённых зажигательными бомбами, поджигать немецкие леса. По словам газеты, тогдашний президент Вильсон отверг его предложение. Может быть, не в пример Нерону, Вильсона не волновало зарев пожаров, но так или иначе идея Слоана успеха тогда не имела. Сейчас Слоан перестроился: он предлагает начинать свои баллоны пропагандистскими листовками.

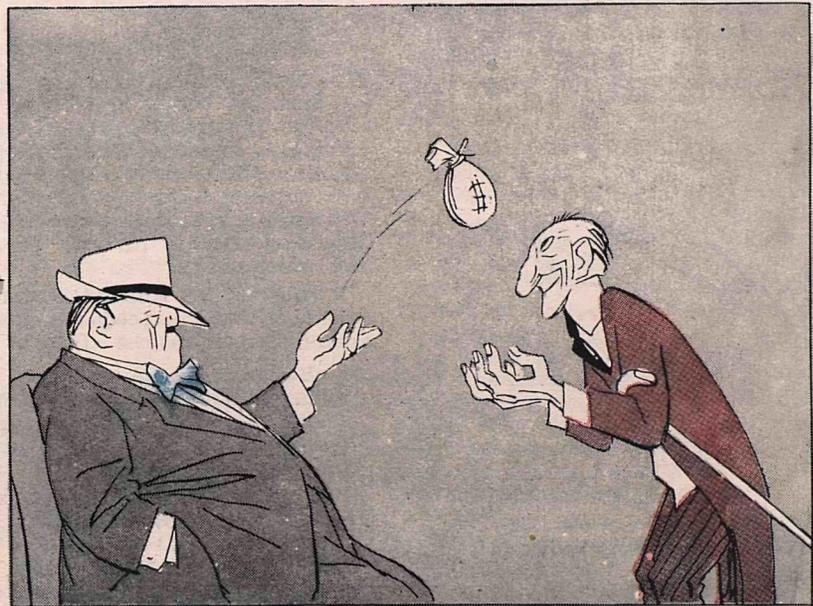
Воздушными средствами пропаганды увлекся и восьмидесятидвухлетний доктор Роберт А. Милликан. Впавший в детство учёный тоже ратует за воздушные шары.

Газета «Вашингтон пост» в своём воскресном приложении сообщает, что этот немолодой физик предложил применить тысячи воздушных шаров для пропагандистского наступления на СССР. С жаром навязывая своё предложение, Милликан утверждает, что «если баллоны пускать из Франции, то ветры, которые обычно дуют на Советский Союз, принесут их к месту назначения».

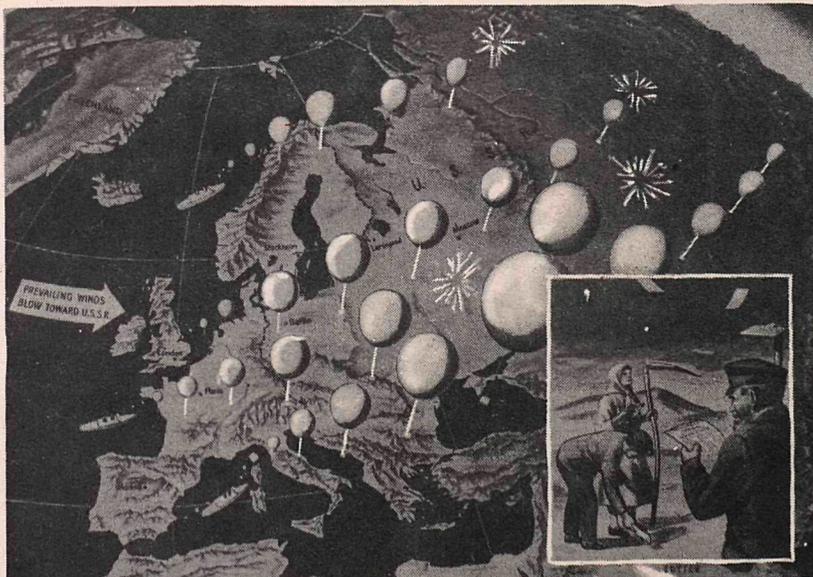
«Вашингтон пост» для убедительности помещает карту территории, над которой, по творческой мысли Милликана, будут мчаться воздушные шары, гонимые попутными ветрами.

Не забыты и те, для кого предназначены листовки, находящиеся в баллонах. На рисунке люди с благоговением читают падающие с неба пропагандистские опусы трумэновских писак. По мысли автора рисунка, эти пейзажи должны изображать колхозников. Но не надо удивляться: что взять с людей, которые сведения о России черпают главным образом из голливудских фильмов о русской жизни, где «мужик-рюсс» пьёт водку через кран из самовара.

Н. ИЛЬИНА

— Вот, получайте за труды!

ДАЛЬНОВИДНЫЙ ПЛЕМЯННИК

Прочную репутацию поджигателя войны английский фельдмаршал Монтгомери приобрёл давно. Он завоевал её умением произносить воинственные речи на сборищах фашистских молодчиков в различных странах «западного блока». Монтгомери делает это ещё более охотно на банкетах, завтраках, обедах и ужинах, где любит хорошо покушать, а заодно и похвастать своими былыми ратными «подвигами».

Артистический талант фельдмаршала перешёл по наследству к его племяннику. Однако племянник — лейтенант Гарри Монтгомери — оказался куда сообразительнее дяди. Он не пожелал играть в международных драмах, обычно оканчивающихся для Англии полным

провалом. Прослужив в армии семнадцать месяцев, племянник подал в отставку и стал артистом драматического театра.

Молодой Монтгомери заявил корреспонденту газеты «Дейли мейл», что ненавидит каждую минуту своей жизни, которую он провёл в рядах армии.

— Мой дядя, — сказал он, — считает, что все должны быть солдатами. Но он должен смириться и проглотить пилюлю, которую я ему преподношу.

Не исключена возможность, что этот трюк племянник сделал по совету своего дядюшки, у которого при мысли о будущем военной карьеры кошки на сердце скребут.

СОЛДАТЫ ТРУМЭНА

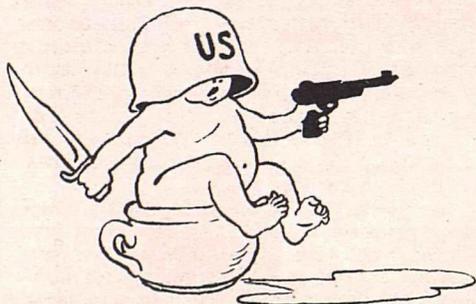
ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

МИСТЕРУ Трумэну нужны солдаты. Об этом помнит в Соединённых Штатах каждый, кто может оказать влияние на психику подрастающих американцев. Перед нами одна из многих фотографий трумэновских отроков, которые так любят публиковать американская печать. С гитлеровским хохолком на лбу, с крупнокалиберным револьвером в руке и чёткой надписью «убийца» на груди, мальчонка являет собой идеальный тип будущего гангстера.

Как свидетельствует в своей книге «Любовь и смерть» американский писатель Г. Ленгман, особенно сильное влияние на американских детей оказывают выпускаемые ежегодно полумиллиардным тиражом «комикс-букс». Красочно иллюстрированные книги живо и доходливо передают будущим гражданам богатый опыт в убийствах, насилиях, драках, кражах, накопленный взрослыми.

Ленгман указывает, что в среднем каждый американский ребёнок поглощает в месяц 10-12 «комикс-букс», успешно совершенствуя свои познания в практике преступлений.

Добрые семена президента падают на благодарную почву. Обильный урожай снимается в виде всё возрастающего числа преступлений, половина которых совершается несовершеннолетними. Это отнюдь не смущает, а радует мистера Трумэна. Ему нужны солдаты-гангстеры.

ВОСПИТАТЕЛИ МОЛОДЕЖИ

АМЕРИКАНСКИЕ бизнесмены от науки усиленно занимаются соответствующим перевоспитанием молодёжи. Вот почему профессор Колумбийского университета Герольд Робинсон пишет в журнале «Форейн афферз» о том, что «целью общества и государства должно быть создание и массовое формирование определённого типа человека. Он должен быть независимым и полным инициативы индивидуумом».

Всем понятно, чего добивается Робинсон, поскольку человечество во время прошлой войны близко познакомилось с независимыми и полными инициативы гитлеровскими индивидуумами, сжигавшими музеи и убивавшими детей и женщин.

Робинсону вторит сам президент Колумбийского университета неизвестный генерал Эйзенхауэр. Недавно он осчастливил цивилизованный мир брошюрой «Американское просвещение и международные противоречия». Эйзенхауэр предлагает ввести новые программы, «соответствующие потребностям страны».

Кроме этого учёный генерал бросает в своём труде оригинальную мысль. Оказывается, человечество

много веков заблуждалось, считая войну злом. Война — благодеяние, ибо

«война даёт возможность людям действовать ради определённой цели, идти по ясному пути, создаёт у них ощущение участия в коллективном усилии. Всё это будет резко отличаться от атмосферы страха, растерянности и смятения, которые царят в настоящее время».

Так бизнесмены от американской науки стремятся освоить ценный гитлеровский опыт воспитания молодёжи, подведя под него особую, родившуюся на трумэновской почве идеологию: «Война — благодеяние».

ФИЛОСОФИЯ ЛЮДОЕДОВ

С ТЕХ пор, как людоеды перебрались из пещер в комфортабельные особняки Уолл-стрита, у них появилась потребность и в своей философии. Им нужно научно обосновать возможность и необходимость уничтожения человеческого рода. Эту проблему и решают трумэновские мыслители.

В чём смысл войны? На этот вопрос отвечают философы из редакции американской газеты «Бостон Глоб»:

«Война, конечно, является самым лучшим исходом при разрешении любой экономической проблемы со своим астрономическим потреблением товаров».

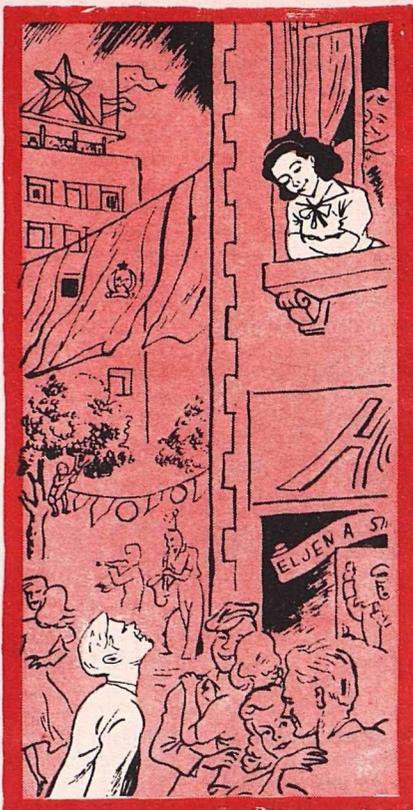
Как выгоднее уничтожать людей? Этот вопрос кажется людоедам также вполне ясным. Из-под крыши редакции австралийской проамериканской газеты «Сидней Санди Сан» доносится недвусмысленное рычание:

«Бактериологическая война имеет для военного руководства два преимущества: она, во-первых, вызывает большую панику и наносит большие человеческие потери, чем водородная бомба, и, во-вторых, не разрушает и не уничтожает материальных ценностей (зданий, заводов, мостов и т. д.), которые достанутся в руки победителей в целом виде, и их сразу же можно будет использовать».

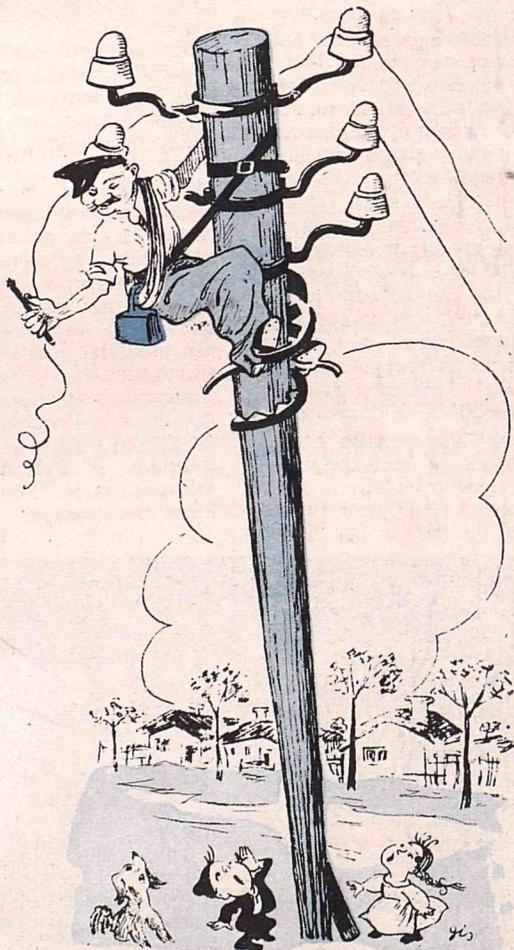
А как же совместить этот заговор против человечества с высокими моральными нормами конституции США? С успокоительными заверениями по этому поводу выступает наукообразный профессор Теодор Розберк.

«По моему мнению, — заявляет он в книге «Война или мир», — выделение биологических средств или любых других видов оружия, как особенно «ужасных» или «худших», не преследует какой-либо полезной цели и ничем не оправдано... Какая разница: умрёт ли человек лёгкой или мучительной

В дни народных торжеств на улицах Будапешта танцуют.

— Товарищ там, на втором этаже! Разрешите пригласить вас на тур вальса!
(«Лудаш мати», Венгрия)

СВЕТ НА СЕЛЕ

— Дяденька, вы что там делаете так высоко?
— Поднимаю жизненный уровень деревни!
(«Лудаш мати», Венгрия)

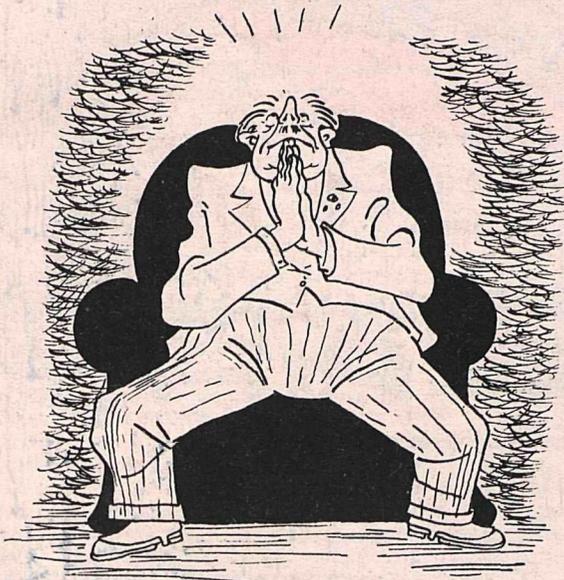
ЮМО
Ст
НАРОД
ДЕМОКР

Двадцать про
Польша предна
ну здоровья нас

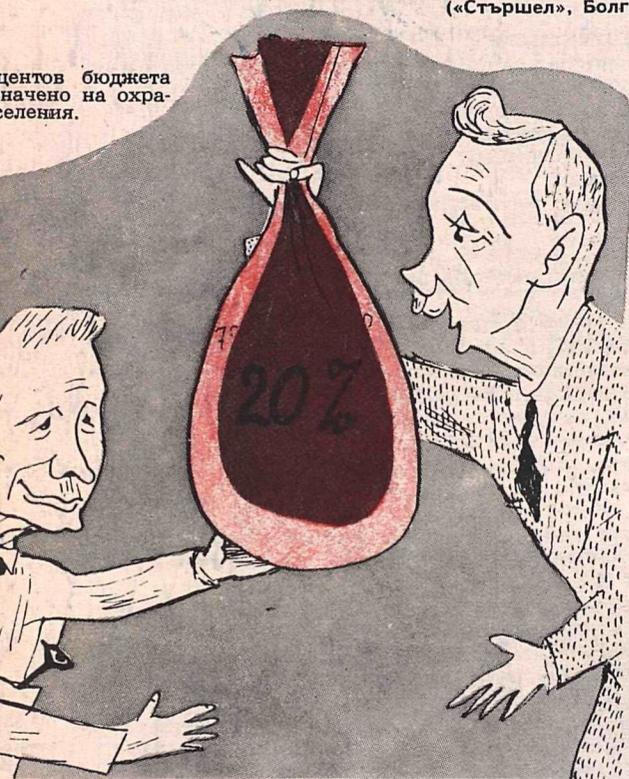
ман

ной
ратии

— Боже, спаси меня от критики, а от самокритики я сам себя как-нибудь спасу!..
(«Стершел», Болгария)

центов бюджета
начено на охра-
селения.

На здоровье!

(«Шпильки», Польша)

В Венгрии началось движение
шофёров-стотысячников.

— Товарищ водитель, по какому маршруту идёт ваш красноезвёздный автобус?

— По наилучшему: стахановскому!
(«Лудаш мати», Венгрия)

смертью, ведь всё равно он будет мёртв. Нельзя быть более мёртвым, чем труп.

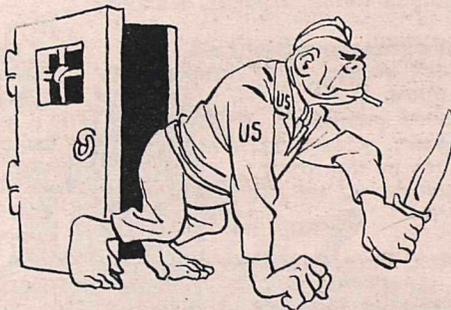
Такие приятные рассуждения успокаивают обитателей уоллстритовского заповедника. Однако, как показывают последние события, попытки людоедов перейти от философии к действительности встречают жестокий отпор сторонников мира.

РЕЗЕРВЫ

ТЯЖЕЛАЯ забота гложет военных руководителей США. Послушные газетчики есть. Ещё более послушные судьи есть. Хватает в маршаллизованных странах и послушных министров. А вот послушных, заслуживающих доверие солдат что-то маловато. В самом деле, о каком доверии может идти речь, если собственные солдаты подписываются под Возвращением Стокгольмского конгресса сторонников мира! Караул!

Правда, меры принимаются: американские кино и литература ускоренными темпами и усиленными дозами стараются выветрить мозги у молодёжи не только в США, но и в заграничных филиалах. Увы, всё это делается не так скоро, как бы это хотелось поджигателям войны.

Что касается реальных надёжных солдат, то пока их явно недостаточно.

И тут американские вояки вспомнили об одном резерве. Оказывается, по официальным данным министерства обороны, за время второй мировой войны за мародёрство, изнасилования, убийства местных жителей и тому подобные «военные подвиги» военно-полевому суду было предано 157 тысяч солдат и офицеров армии США.

Разумеется, необходимые меры были тотчас же приняты. Снова, уже в который раз, пригодились послушные судьи. Как сообщает агентство Юнайтед пресс, судебные приговоры были пересмотрены и основная масса осуждённых освобождена для новых «подвигов». Дескать, резвитесь, мальчишки, как хотите, уж на вас-то мы можем положиться!

НА ПОЛЕ БРАНИ

ВЕРБОВЩИКИ, приглашавшие стандартного американского обывателя в армию, сулили ему наилучшие условия для интересного и безопасного препровождения времени. Армейская жизнь будет, мол, переполнена весельем, игрой в безбол, красотками кабаре, путешествиями по самым известным местечкам мира.

Людоеды, из благопристойных сенаторов утешали солдат болтовнёй, будто пушечным мясом в будущей войне станут не американские, а исключительно чужестранные войска. Поджигатели войны вбивали в головы солдат мысль, будто, на худой конец, благодаря новой технике война пройдёт для них, как беззаботная туристская прогулка.

Предназначенные к гарнизонной и полицейской службе солдаты американских штатов в мирной обстановке успешно жгли корейские деревни и грабили незащищённое население.

Всё шло прекрасно, пока американские солдаты не встретились с северокорейскими солдатами, которые, к удивлению некоего американского полковника, «презирают смерть».

Резервные американские части встречают по дороге на фронт сотни бегущих собратьев, многие из которых второпях не успели захватить с собой не только боевые шлемы, а даже брюки и ботинки.

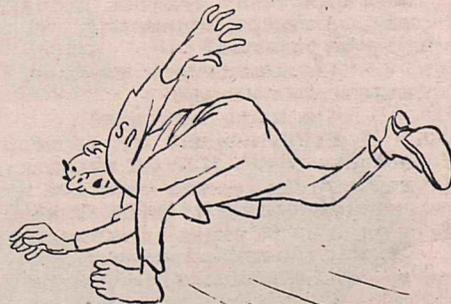
Под Тэчжоном американцы занимали хорошие оборонительные позиции и располагали самыми сильными воинскими частями. И тем не менее американские корреспонденты вынуждены были писать о «разгроме» и «самом унижительном и дорогостоящем поражении», о хаосе и панике.

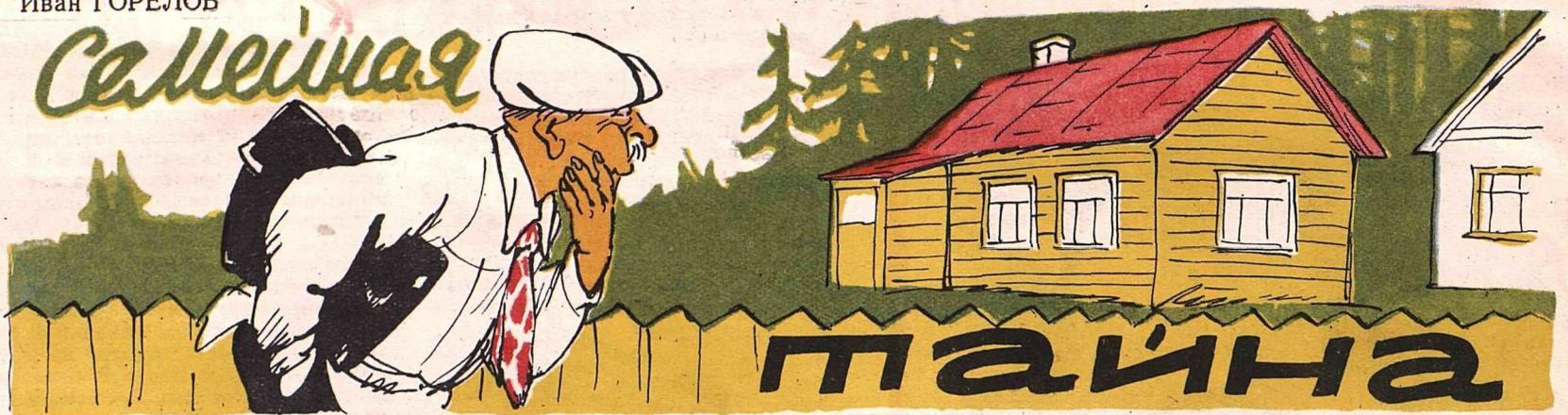
Очевидец боёв вблизи Сэйю, американский корреспондент Бигарт видел паническое бегство американских солдат и слышал вопль командира батальона: «Верните этих хваленых солдат на позицию, ведь им за это платят!» Солдаты не вернулись, и командир батальона сам поспешил обогнать дезертиров.

Американский корреспондент Ламберт пришёл к горькому выводу: «Наши солдаты, повидимому, не особенно стремятся воевать в этой войне... Многие американские солдаты считают, что южнокорейцы сами должны сражаться за себя...»

Американские военнопленные каждый вечер обращаются по радио к своим товарищам на юге, призывая их сложить оружие и... перейти на сторону корейской Народной армии.

Вот почему пустуют в городах США армейские вербовочные пункты для «добровольцев». Безидейного стандартного американского обывателя преимущественно волнует один глубоко интимный вопрос: сумеет ли он унести свою голову обратно, на заокееанскую родину?

ЕВТИХИЙ Сергеевич Уютцев, завхоз строительно-монтажной конторы, возвратился домой уже за полночь. Был он навеселе. Сегодня провожали в Сочи главного инженера конторы и изрядно выпили.

Настроение у Евтихия Сергеевича было, как говорится, на высоком градусе. Он бесшумно прошёлся по квартире и зашёл в детскую. Одолеvalo дерзкое желание разбудить Витьку и рассказать ему, пострелёнку, как его отец Евтихий Уютцев счастлив сейчас и доволен собой. Припрыгивая молодым петушком, Евтихий Сергеевич вышел из детской и завернул в спальню. Ему захотелось включить радиоприёмник, поймать что-нибудь экзотическое или громко запеть. Он шевелил губами, напевая про себя какой-то куплетик.

Но в спальне была та же сторожкая тишина. В окна сквозь шёлковые шторы обильно пробивался лунный свет, красиво пятная кружевными узорами полированные створки шкафа, противоположную стену и кровать супруги Марии Андреевны.

— Маруся!.. Машенька!.. — робко прошептал Евтихий Сергеевич фальшивым дискантом.

— Ты, полуночник? — послышалось из полумрака.

Евтихий Сергеевич осмелился теперь присесть на краешек кровати, но тут же призадумался: «Сказать или не сказать?» И в ту же минуту решил: «Скажу, порадую... Хотя Маруся — и общественница в районном масштабе и щепетильная женщина, но свой человек, семейной тайны не выдаст».

— Манечка... Родная! — произнёс он счастливым голосом. — У нас будет... Вернее, у нас уже есть... — Евтихий Сергеевич осмотрелся вокруг.

— Что?

— Да-ча! — закончил он таинственным полупрошепотом.

— Как ты сказал? Дача? Какая дача? Откуда?.. Мы выиграли?.. Вчера тираж был?.. — сквозь сон спрашивала Мария Андреевна.

— Да нет, нет...

— А откуда же? — уже строгим голосом спросила жена.

— Да ты не сердись... Маша... Никаких махинаций. Ни боже мой! Всё законно. Всё легально. И дачка наша. Правда, махонькая, дешёвенькая, но своя...

Мария Андреевна отвернула край одеяла и приподнялась:

— Ничего не понимаю... А который теперь час? Второй? Ну говори, говори... Только не беги галопом.

«И надоумило же меня затеять этот разговор... Столько терпел!» — сожалел уже Евтихий Сергеевич, усаживаясь поудобнее.

— Всё законно... Чисто... Комар носа не подточит.

— Ну, уж если и комар тут замешан, то не совсем, видимо, чисто, Тихон!

Евтихий Сергеевич молчал.

— Да ты рассказывай, не стесняйся. Растерялся уже? Эх ты, мужчина!

— Понимаешь, Маруся, история совсем простая... Мы, понимаешь, заканчиваем ремонт здания министерства... Ремонт идёт третий месяц... И, понимаешь, главный вход в здание тоже закрыт третий месяц...

— Понимаю...

— Сотрудники ходят через двор, с переулка. Понимаешь? По указанию начальства соорудили мы временную проходную будку... В счёт ремонта. Ну, проектик, разумеется, я состряпал. Симпатичная такая будочка. Сборный каркас, облицовочка планочная... А теперь, понимаешь, она подлежит сносу... На дрова.

— А большая?

— Две комнатки и сквозной коридорчик. Тридцать восемь квадратных метров.

— Как наша квартира?

— Да, примерно... Ну, коридорчик подлежит заделке с одного конца плитой... И будет кухонька. Вот и дачка. Понимаешь? Стены, конечно, можно утеплить изнутри...

— Но она же не наша, Тихон! Что же ты мелешь?

— Как не наша? Считается временка, сарай. Подлежит разборке на щепу, по акту.

— Да-а? Сколько, говоришь, метров?

— Тридцать восемь. Как раз на нашу семью. Поедем утром, Манёк, посмотрим. Хорошо?

— Ну, хорошо. Ложись спать, Тихон.

Утром Мария Андреевна собиралась ехать на работу — она заведывала районным детским садом, находившимся за городом. Евтихий Сергеевич спал и храпел.

— Провожать не будешь, Тихон?

— Что? Я?

— Да, ты. Провожать будешь?

Евтихий Сергеевич с трудом открыл слипшиеся глаза:

— Понимаешь, голова немного сигналиит.

— А дачу смотреть?

— Какую?.. Ах, дачу!.. — Евтихий Сергеевич замялся. Он вспомнил о ночном разговоре и пожалел о том, что поведал жене свою тайну.

— А может, после посмотрим, понимаешь? Вот соберём ее на своём участке, а?

— Вот уж не дело — откладывать.

Евтихий Сергеевич нехотя поднялся, вызвал машину, а затем долго умывался холодной водой.

Был он угрюм и всю дорогу молчал.

— Понимаешь, Маруся, сотрудники скоро пойдут... Догадуются, что осматриваем... Лучше потом...

— Да ведь подъехали уже!

Увидев проходную будку, Евтихий Сергеевич немного оживился, просиял.

— Ишь ты — игрушечка!.. А если её, голубушку, среди ёлочек... Да такой ажурной изгородью обнести, понимаешь... — шептал он Марии Андреевне на ухо.

Жена молча вошла в будку и тщательно осмотрела её. Будка была действительно красива и прочна. Планки, подобранные одна в одну, были зафальцованы и прикреплены к каркасу шурупами. Двери и оконные рамы сделаны на совесть, стены облицованы толстой фанерой, аккуратно послана крыша.

— Сколько же стоит этот сарайчик?

— Потихе, пожалуйста... Около сорока... Понимаешь? — шептал Евтихий Сергеевич, показывая четыре пальца.

— Ну что ж, домик очень хороший!

Через день был открыт парадный вход в министерство, и уже в сумерки девять плотников разбирали будку «на щепу». Тут же «сутился и Евтихий Сергеевич».

— Полегонечку, ребятки, — ласково причитал он, заслышав резкий скрип вырываемых шурупов.

Отвинченные планки и листы фанеры он старательно нумеровал фиолетовым карандашом, перекладывал стружками застеклённые рамы, бережно собирал хрупкую черепицу.

— Жалко такую на слом, Евтихий Сергеевич, — вступился было старый плотник Герасим. — Больно добротная стройка... Может, её в какое дело приспособить в нашем хозяйстве?

— Ладно тебе, Герасим... мудрствовать! — сурово ответил Евтихий Сергеевич. — Свой срок отслужила, чего ещё? И мы с тобой скоро на щепу пойдём. Хе-хе!

А к рассвету всю сложенную в штабеля «щепу» увезли за город...

В воскресенье за завтраком Мария Андреевна предложила мужу:

— А не поехать ли нам, Тихон, за город? Мне нужно в детский сад: нынче новую группу малышей привезут.

— Да что ж, можно, — дожёвывая котлету, согласился Евтихий Сергеевич. — И на свой участок заедем... Я ж в эти дни здание сдавал комиссии. Сидел в конторе, как прикованный. Понимаешь, придирка за придиркой. А на участке, может, щепу растаскивают.

Когда подъехали к детскому саду, Витя выкрикнул:

— Мамочка, какой у вас домик хороший! В Мосторге купили?

— Это для малышей, Витенька. Сегодня их привезут.

Евтихий Сергеевич уставился недоумевающими глазами на аккуратенький жёлтый домик, стоящий среди ёлочек, и пробормотал:

— Ба, вроде по моему проекту!

Обеспокоенный неприятными догадками, он молча вышел из машины и вплотную подошёл к домику. На жёлтых планках видны были его карандашные иероглифы.

— Позволь... Мария Андреевна... Это как же она очутилась здесь? — растерянно, с хрипотцой в голосе спросил Уютцев. — Может, ошибка какая?..

— Никакой ошибки. Привезли по указанию заместителя министра. Ему секретарь райкома звонил... А тебе, Тихон, придётся объяснение писать.

Евтихий Сергеевич помрачнел, съёжился, будто ему насыпали за пазуху шурупов, и, постояв с минуту, медленно поплёлся к машине.

ВОЛОГОДСКИЙ ПРИВЕСОК

ЕЖЕДНЕВНО по телефонным проводам с одной улицы Вологды на другую доносится:

— Ну как, товарищ Шлык, может быть, смилуешься? Возьмёшь что-нибудь?

— А чего у тебя взять! Уж очень, товарищ Малков, товар твой неходовой. Барыша от него на грош, а хлопот на полный рубль.

— Какой ты неговорчивый, товарищ Шлык! Беда с тобой!

— Торговое дело, голубчик, дружбы не знает. Несходно — не сходись, а на торг не сердись!

— Мне хотя бы немножко растовариться. — У меня деньги тоже не бешеные. Сам завалился выше крыши...

Разговор идёт не о каком-нибудь вышедшем из моды трикотаже. Товарищ Малков — главный редактор книжной редакции областного издательства «Красный Север». Товарищ Шлык — директор областного отделения Когиза. Предмет упорного спора — книги. На складах издательства лежат тридцать два названия книг и брошюр тиражом в шестьдесят пять тысяч экземпляров на сумму более ста тысяч рублей. На складах Когиза книг и брошюр местного издания лежит на триста тысяч рублей...

По твёрдому убеждению товарища Малкова, во всём виноват Когиз:

— Не умеют торговать! Вот, пожалуйста, полюбуйтесь! Небольшая книжечка, а очень полезная: «Как организовать труд на животноводческой ферме». Для нашей области, где пять тысяч колхозов, — это просто клад. Мы издали только четыре тысячи экземпляров. Цена недорогая. А Шлык не берёт, говорит: «Завалюсь». Или вот ещё: «Учёт и планирование кормов в колхозе». Весьма нужная книга. Тираж уезд-

ный — две с половиной тысячи. Лежит. Шлык не берёт.

Если послушать тов. Шлыкова, то во всём виновато издательство:

— Не умеют издавать! Вот, пожалуйста, полюбуйтесь. Е. Ильина «Четвёртая высота». Местное издание. Смотрите, какой перелёт! А бумага! Цена 6 рублей 50 копеек. А вот московская работа, та же книжечка. Чувствуете? Огурчик! Цена 3 рубля 80 копеек. Кто же у меня будет местные книжки покупать? Завалюсь! Вообще с местными изданиями одно беспокойство. В прошлом году выпустило издательство двадцать тысяч экземпляров расписания поездов. Хотели на этом деле оборот приобрести, а сели в лужу. Пока набирали, печатали да брошировали, другое расписание в силу вступило...

Тов. Шлык вместе с водой выплёскивает и ребёнка. Действительно, книжка Ильиной местного издательства стоит дороже. Но это совсем не значит, что все книжки, издаваемые в Вологде, дороги и плохи.

Словесное состязание о прошлых взаимных ошибках и промахах оказывает заметное влияние и на планы издания книг. Издательство, например, предполагает выпустить в этом году брошюру инженера областного управления сельского хозяйства Д. Сандлерского «Как построить типовой скотный двор» тиражом в пять тысяч экземпляров. Извещённый об этом товарищ Шлык бурно запротестовал:

— Больше тысячи не возьму!

Какую бы книжку или брошюру о сельском хозяйстве или по лесному делу Шлыкову ни предлагали, ответ у него стереотипный:

— Больше тысячи не возьму! Завалюсь!

Ещё больше не повезло местным литераторам. Увидев в плане этого года сборник стихов поэта Викулова, «Художественный сборник» коллектива авторов, товарищ Шлык заявил, что этих книг он не возьмёт «ни одной штуки»:

— Завалюсь!

От книг местных авторов тов. Шлык отказывается, даже не читая их, так сказать, заочно. Он действует по твёрдому убеждению:

— Раз автор местный, стало быть, плохой!

Спор между издателем и книготорговцем идёт долгий и яростный. Заключает его обычно осторожный начальник оптово-розничной торговой фирмы:

— На торгу завсегда два чудака. Один дешёво даёт, другой дорого просит. И мирить их некому.

Тов. Малков тоже согласен, что мирить некому:

— Наша книжная редакция — это не в полной мере издательство, а так себе, середка наполовине. Никто на нас внимания не обращает. Живём на чердаке, в одной комнате. Кадров не хватает. Главполиграфиздат нас за родню не считает и всем обделает. Книжку одевать не во что: нет ни картона, ни колёнок. Впору заменить берестой. Бумаги, и той в обрез. Недаром же нас так и называют в Вологде: не издательство, а привесок...

Нет, мирить издателя с книготорговцем есть кому. Очень успешно могли завершить этот долгий спор руководящие областные организации. Но, видимо, и там до «привеска» не доходят руки.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

Когда свернёшь с основной магистрали на дорогу в Костомарово, Тульской области, начинаются невообразимые ухабы.

Тульские судороги.

Смелов-Остороженский

(ИЗ СЕРИИ «ТИПЫ»)

УХОДЯЩИЕ В ПРОШЛОЕ)

КОГДА разнёсся слух, что Льва Борисовича отдадут под суд, никто этому не поверил:

- Помилуйте, да не может быть!
- Льва Борисовича?! Под суд?! Не верю, не верю и ещё раз не верю!
- Вы шутите?
- Лев Борисович на скамье подсудимых? Не представляю!
- Нет, тут что-то не то.

А слух подтвердился, и суд состоялся. Задолго до начала процесса зал суда был, что называется, битком набит, так как Лев Борисович был в городе довольно-таки известной личностью.

Заседатели, прокурор, адвокат и секретарь суда заняли свои места. Судья объявил:

- Слушается дело по обвинению гражданина Смелова-Остороженского Льва Борисовича... Введите подсудимого.

Редко можно наблюдать такое удивительно точное сочетание внешнего облика с фамилией, какое присуще было Смелову-Остороженскому. И вот сейчас, когда он прошёл почти через весь зал к скамье подсудимых, это сочетание особенно бросилось в глаза. Лев Борисович осторожно, не торопясь, переступал короткими ножками, как бы проверяя каждую половицу, — вдруг провалится. На этих коротких, осторожно семенящих ножках, несоизмерно им, покоилось длинное, упитанное туловище. Голова Льва Борисовича представляла собой круглый шар. Сейчас этот шар был в непрерывном движении: он поворачивался то направо, то налево и кивал неустанно, как китайский болванчик. Серые маленькие глазки смело и безмятежно смотрели из-под белесых бровей, а уютный рот сердечком чуть-чуть улыбался.

В то время как походка Льва Борисовича говорила об осторожности и неуверенности, выражение лица, напротив, было спокойным, уверенным и несколько обиженным. Оно, это выражение, как бы подтверждавая недоуменное любопытство сидящих в зале знакомых Льва Борисовича, говорило: «Представьте, я и сам не понимаю, что тут такое происходит!»

Пока Лев Борисович добирался до скамьи подсудимых, мы для ясности кратко познакомимся с его биографией.

* * *

Когда Лев Борисович был ещё Лёвочкой, он во всех семейных спорах принимал всегда сторону мамы и часто был даже вершителем папы-маминных конфликтов. Он, например, в самом раннем возрасте усвоил, что когда мама крикнет папе: «Ты болван! Безнадёжный идиот!», — значит, пора вмешиваться ему.

Лёвочка подходил к маме, хватался ручкой за передник и громко кричал:

- Папка — дурак! Папка — дурак! — и показывал отцу язык.

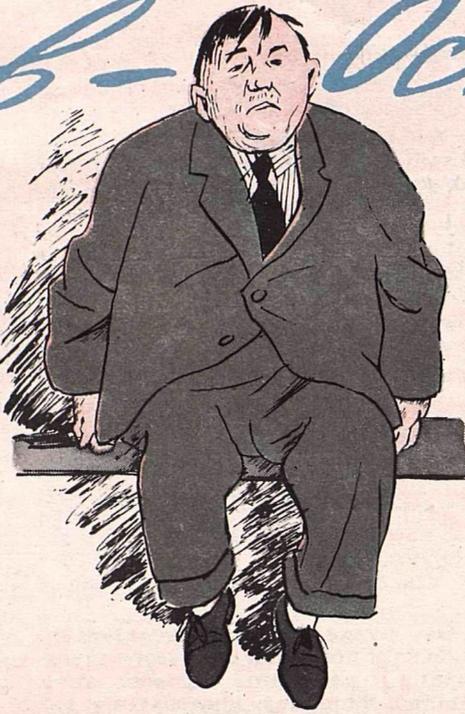
- Правильно, Лёвочка, умница моя, — говорила мама, глядя его по голове. — Отец твой — дурак и идиот беспросветный! Устами ребёнка говорит истина.

Иногда бабушка спрашивала Лёву: — Почему ты, Лёвочка, всегда заступаешься за маму? Ведь она часто не права бывает. И грубишь самому папе.

Лёва безапелляционно заявлял: — Папа не самый. Мама самое папы, потому что папа боится мамы и делает всё по-маминому.

Разумеется, смелость суждения об отце, как и о других, Лёвочка обнаруживал, только держась за передник мамы. В отсутствие мамы он вёл себя крайне почтительно и осторожно со всеми.

Отец часто смотрел на Лёвочку долгим,

задумчивым взглядом и спрашивал не то его, не то себя:

- Эх, что-то из тебя получится?

* * *

Из Лёвочки получился Лев Борисович Смелов-Остороженский — заместитель директора горпромкомбината «Горшок-посуда».

«Незаменимый зам» — так называли его в городе. Это имело основание, так как в течение многих лет Лев Борисович занимал эту должность, и казалось, никакие силы не сдвинут его с насиженного места. Менялись сотрудники, приходили и уходили директора комбината, а Лев Борисович неизменно оставался на своём замовском посту. В отличие от некоторых замов, «подсжиживающих» своих директоров с целью занять их пост, Смелов-Остороженский был далёк от подобной мысли. Именно на этой почве он и приобрёл безраздельное доверие. Ему несколько раз предлагали пост директора, но он категорически отказывался.

- Нет уж, оставьте, — скромно, но твёрдо возражал Лев Борисович, — я-то лучше знаю свои способности: рождённый ползать — летать не может. Хе-хе-хе!..

После этого Смелов-Остороженский прослыл человеком бескорыстным и скромным. А в кругу своих близких он объяснял:

- Чем выше взлёт, тем ниже падение. Что значит быть директором? Это значит повседневно ощущать ответственность: не выполнил план — отвечай, за качество — отвечай, за технику безопасности — отвечай, за кадры — отвечай. Сегодня с отчётом в горисполком, завтра с докладом в райком, послезавтра с балансом в центр. А зам — всегда зам. Вон директоров-то сколько сменилось, а я десяток лет тихохонько-смилёнхонько служу.

Лев Борисович зарекомендовал себя смелым умельцем по «добыче нарядов», по «выбиванию фондов», по «утрясению зазвонков», по «взятию быка за рога», по «уламыванию клиентов».

«Провертывал» он эти хлопотливые дела то необыкновенно нахально, то исключительно осторожно — судя по обстоятельствам.

Если мальчику Лёвочке в своё время опорой и защитой служил маменькин передник, то Лев Борисович опирался на «нужных людей», на «большие связи», на «свою руку» и прочее. Директорам своего промкомбината он не то чтобы угождал, а

обставлял свою деятельность по утрясению, выбиванию и уламыванию так, чтобы казаться действительно незаменимым замом.

Вбежит, бывало, в кабинет директора вспотевший, запыхавшийся, устало бухнется в кресло, вытрет пот с круглого лица и, многозначительно подмигнув, выпалит:

- Провернул!
- Что провернул?

- Глину провернул! Фонды в кармане, наряд на вагоны Иван Саныч обещал завтра...

И хотя глины — основного сырья для комбината «Горшок-посуда» — было кругом сколько угодно, однако казалось, что «провернуть и утрясти» глину мог только Лев Борисович: не будь его, и глина исчезнет с лица земли, а комбинат катастрофически рухнет.

Глина и погубила Льва Борисовича.

Как-то незадолго до Отечественной войны директор, беседуя с ним один на один, спросил:

- А почему вы, Лев Борисович, в беспартийных ходите?

Смелов-Остороженский прикинулся простаком, как он умел это делать в тех случаях, когда считал нужным, и отшутился от вопроса. Но, придя домой, он долго размышлял: «И зачем он об этом спросил? Может, подозрение какое политическое? Или установка из центра какая поступила в отношении партийности замов?»

Кончили эти раздумья тем, что через несколько дней Лев Борисович взял анкеты, заполнил их, написал заявление о приёме в кандидаты. Но тут началась война. Анкеты и заявление он спрятал в домашний письменный стол. «Мало ли что может случиться! — подумал он. — Поживём — увидим».

А когда Лев Борисович в сорок пятом году увидел и убедился, что война идёт к победному концу, он вынул из стола анкеты, тщательно соскрёб перочинным ножом дату заполнения, вписал на это место новую и отнёс к секретарю партбюро.

Секретарь партбюро прочитал заявление, посмотрел на Льва Борисовича и задал ему столь же странный, сколь и неожиданный вопрос:

- Сколько требуется глины на изготовление одного горшка?

- Хе-хе-хе, — осторожно засмеялся Лев Борисович, — шутить извольте, товарищ секретарь!

- Да нет, нас серьёзно интересует этот вопрос.

- Ну, сколько... Известно сколько: если красной глины — два кило, если белой, той надо больше: она легче, чем красная.

- А вот в стенной газете сегодня написано, что по бухгалтерским документам на каждый горшок в среднем приходится по сто пятнадцать килограммов глины. Не читали?

- Н-н-нет... н-н-не читал, — заикаясь, ответил Лев Борисович.

- Вот идите и прочитайте.

- С удовольствием... то есть извиняюсь, я... хотел... сказать... Я хотел сказать, что это меня не касается, — вдруг отчётливо и смело выпалил Лев Борисович — Я, так сказать, не первая величина в комбинате, есть директор, его и спрашивайте.

- Директора спросят, а теперь я спрашиваю вас. Кстати, скажите: домик, который вы записали на троюродную тёткушку, на какие средства построили?

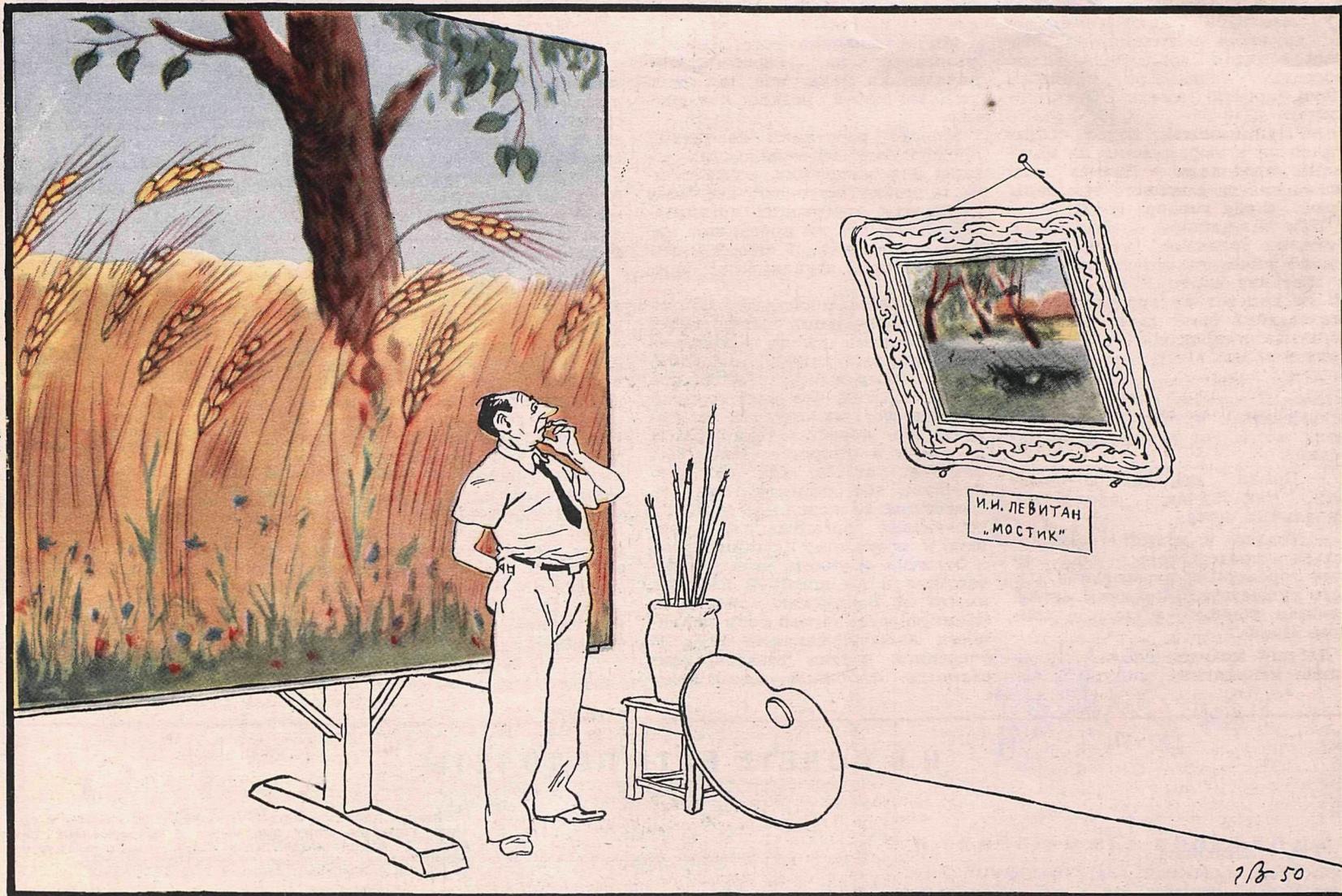
* * *

...После оглашения приговора Лев Борисович уже не улыбался, не кивал по сторонам, а шёл по залу, опустив голову; маленькие глазки из-под белесых бровей уныло и безнадежно смотрели в пол.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УДИВИТЕЛЬНО!

Рис. Г. ВАЛЬКА

Некоторые художники часто пишут чрезмерно большие полотна, не заботясь о художественном качестве своих произведений.

— Удивительно! Левитан нарисовал маленький неотремонтированный мостик, а как его ценят. У меня же на картине одной ржи гектаров двадцать, а говорят, грош ей цена!

КРИК ПОЭТИЧЕСКОЙ ДУШИ

Чуть не каждый месяц поэт Игорь Строганов присылает в местную газету из Москвы десятки своих стихотворений. Недавно он прислал очередную кипу. В его «трудах» есть такие строфы:

Пою сегодня я...
Зачем?
Поёт волна.
На перекатах хлопает (?)
Пахучая сосна (?)

Покончив с пахучей хлопающей сосной, Строганов сообщает:

Плывём лесами, сёлами.
И бревна в такт стучат.
Мне хочется весёлое
И юное кричать!

Никогда бы мы не знали, что можно плыть на плотах «лесами, сёлами». Спасибо Строганову. Теперь плотогонны узнают новые пути для проводки плотов. Однако они недовольны тем, что у Строганова «бревна в такт стучат».

— Это, — говорят сплавщики, — плохие плоты, если бревна стучат.

А вот предпоследняя строфа из стихотворения «Плоты»:

Кричу сегодня новые —
Пусть даже я охрип —
Весёлые,
Плотовые
Смолистые стихи.

Напрасно кричит Игорь Строганов. Криком подлинное поэтическое произведение не подменишь!

В ЗАЩИТУ СЕМИЛУКСКИХ СВИНЕЙ

Профессию животновода Андрей Плаксин, молодой человек без определённых занятий, всегда расценивал как дело необременительное и не лишённое приятности. Целый день на свежем воздухе. Парное молоко по утрам и простокваша на ночь. Выезды в степь на паре добрых коней... Право, есть во всём этом прелесть!

Существует мнение, что каждый животновод должен, по крайней мере, уметь отличать овцу от свиньи. Плаксин другого мнения: главное — не в знании, а в наличии людей, которые без разбора могут назначать сапожника печь пироги, а пирожника тачать сапоги.

Плаксин с почётом был зачислен в штат отдела сельского хозяйства Ведугского райисполкома Воронежской области зоотехником.

Недолго обучал новоиспечённый зоотехник колхозных животноводов премудростям ухода за крупным и мелким скотом. За невежество и безделье он был вскоре уволен.

Но свет не без добрых людей. Плаксин отряхнул ведугский прах со своих ног и пере-

брался в Семилукский район той же области, где и был назначен управляющим свинофермой местного совхоза.

Свинарки только ахали, выслушивая наставления нового управляющего.

Ахают они до сих пор. Странно, почему не ахает директор совхоза тов. Заострижный, видя, как под руководством «специалиста» растёт падёж свиней.

ТРЕТЬЕГОДНИКИ

Если ученик остался в классе на второй год, родители и учителя в тревоге.

А что делать, если в школе завелись третьегодники?

Выход, конечно, есть — исключить. Пробовали. Не выходит. Районный отдел народного образования тоже требовал исключить. Не действует. Райисполком специальное решение выносил. Не помогает.

Дело о третьегодниках, засевавших в средней школе рабочего посёлка Данков, Рязанской области, дошло до Министерства просвещения. В министерстве решительно заявили: исключить! И это не помогло!

Третий год третьегодники, райсобес и школа полеводов, незаконно занимают половину помещения школы и не уходят. Они хорошо изучили, что в райисполкоме сидят очень тихие люди. Решений, постановлений сколько угодно вынесут, а вот насчёт того, чтобы заставить выполнить эти решения, не получается: характер не тот...

Скоро учебный год. Неужели придётся иметь дело с четырёхгодниками?

ПЕРЕСОРТИЦА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

УТРОМ к одному из бакинских магазинов лихо подкатил грузовик с тюками, на которых с видом победителя важно восседал начальник швейного цеха артели имени Орджоникидзе.

— Принимайте! — бодро обратился он к выбежавшим из магазина продавцам. — Причём вам ровно триста девяносто три пары брюк. И все первого сорта!

При ближайшем знакомстве с брюками оказалось, что они не имеют никакого отношения даже к третьему сорту. И вечером того же дня тот же грузовик с той же партией брюк тихо отбыл в обратном направлении — из магазина в артель.

— Что пригорюнился, добрый молодец? — участливо спросил председатель артели начальника цеха, когда тот вернулся из магазина.

— Брюки забракованы, — ожидая нахлобучки, пролепетал начальник цеха.

— Только и всего?! — расхохотался председатель. — Есть от чего горевать! А пересортица для чего существует? Сочиним актик, спишем убыток — и дело с концом. Понял?

Добрый молодец понял. А ведь какие неприятные минуты пере-

жил человек! И всё от неопытности...

Мы умышленно сосредоточили внимание на переживаниях начальника цеха, ибо он представляет собой редкое исключение.

Многие работники бакинских предприятий, изготавливающих товары для населения, мужественно и стойко встречают скорбные сообщения торговых организаций о том, что их продукция никуда не годится. У этого мужества прочный фундамент — пересортица.

Завод металлоизделий Бакинского горисполкома выпустил для продажи семь тысяч алюминиевых столовых ложек. Ложки эти, мягко выражаясь, оказались столь мягкими, что даже грудной ребёнок мог их согнуть в три дуги. Но представители завода не впади в отчаяние. Вмиг был сочинён акт, и, как из него явствует, обе стороны, то есть поставщик бракованных ложек и торгующая организация, «пришли к обоюдному соглашению».

Отлично изучили метод пересортицы и на швейной фабрике имени 26 Бакинских комиссаров (Министерство лёгкой промышленности Азербайджанской ССР). В очередной партии товаров, присланных фабрикой бакинскому

промторгу, было сто мужских сорочек «фантазия», помеченных первым сортом. Но такая высокая оценка оказалась лишь неумённой фантазией фабричной администрации, ибо добрую половину «пересортных» сорочек пришлось перевести в низшие сорта. Такой же «перевод» и тоже в атмосфере взаимного понимания между фабрикой и торгующими работниками был произведён и с другой партией сорочек, на этот раз фасона «гейша».

Почему так мила бракоделам пересортица? Потому что за брак расплачиваются не они, а государство.

Почему торгующие организации не передают в суд дела о выпуске недоброкачественной продукции? Потому что поставщики такой продукции предусмотрительно перечисляют магазину всю сумму причинённых им убытков. И эти причисления тоже идут, разумеется, за счёт государства.

Наконец, может возникнуть и такой вопрос: почему не заинтересуются тайнами пересортицы следственные органы?

На этот вопрос ответить затрудняемся. Не в нашей он компетенции.

Б. МАРТИРОСОВ

г. Баку.

В течение нескольких месяцев в одном из переулков Омска красовался комбайн, который давно следовало отправить в Баженовскую МТС.

Фотография безнадзорного комбайна была опубликована в фотовитрине Крокодила № 8.

За безхозяйственность директору Баженовской МТС тов. Грому объявлен строгий выговор.

Бюро Вологодского горкома ВКП(б) обсудило фельетон «Скучно быть молодым в Вологде», напечатанный в № 17 Крокодила.

Бюро горкома ВКП(б) наметило ряд мер, направленных на улучшение работы с молодёжью в городе. Бюро обязало председателей завкомов оборудовать спортгородки при заводе «Северный коммунар» и в посёлке фабрики Льнокомбината. Председателям добровольно-спортивных обществ предложено провести ремонт лодочных станций и купальни, обеспечить лодки спасательными средствами.

Бюро горкома ВКП(б) поручило горисполкому рассмотреть вопрос об улучшении работы детского парка и об отпуске средств на его переоборудование, а также решить вопрос о снижении цен на вход в зрелищные учреждения.

19 июня состоялась сессия городского совета депутатов трудящихся, обсудившая вопрос «О состоянии и мерах по улучшению работы культурно-просветительных учреждений города».

И В ПОЧЕТЕ ЕСТЬ НЕДОЧЕТЫ

Рис. И. СЕМЕНОВА

Иногда знатных людей отрывают от работы в самую горячую пору для кино- и фотосъёмок, для бесед с корреспондентами газет, представителями областных и центральных организаций и пр.

— Скажите, нет ли каких-нибудь помех в вашей работе?
— Помех-то нет, только вот иногда окружающая среда и обстановка заедают!..

Поемте, Грузия!..

ТЫ ДА Я ДА МЫ С ТОБОЙ...

ШУТОЧНАЯ

Музыка Никиты БОГОСЛОВСКОГО
Слова В. БАХНОВА и Я. КОСТЮКОВСКОГО

Есть у нас
Агроном,
Ох, да косы длинные!
А глаза, друг,—
Бирюза, друг,
И зовут Галиною.
И мы в неё
Влюблены —
Ты да я да мы с тобой.

Оба ходим,
Глаз не сводим
С нашей Гали дорогой.
По причине таковой
Разругались меж собой —
Ты да я да мы с тобой!

Вечерком
Мы вдвоём
У ворот её сидим.
Мы сидим, друг,
И молчим, друг,
Друг на друга не глядим.
Так много дней

Ходим к ней —
Ты да я да мы с тобой,
А дивчине,
Той Галине,
Парень нравится другой.
По причине таковой
Потеряли вдруг покой —
Ты да я да мы с тобой.

Паренёк
Василёк
С нами очень вежлив был.
И тебя, друг,
И меня, друг,
Он на свадьбу пригласил.
Но за столом
Мы не пьём —
Ты да я да мы с тобой:
Очень там, брат,
Горько нам, брат,
А целуется другой.
По причине таковой
Заливаемся слезой —
Ты да я да мы с тобой!

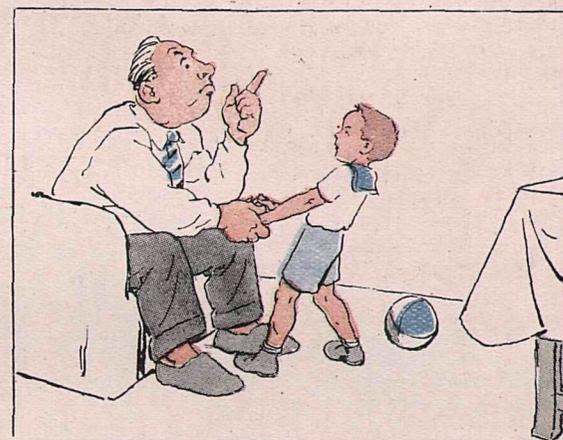
СМЕСЬ

КРОКОДИЛЬСКАЯ

Рис. А. БАЖЕНОВА

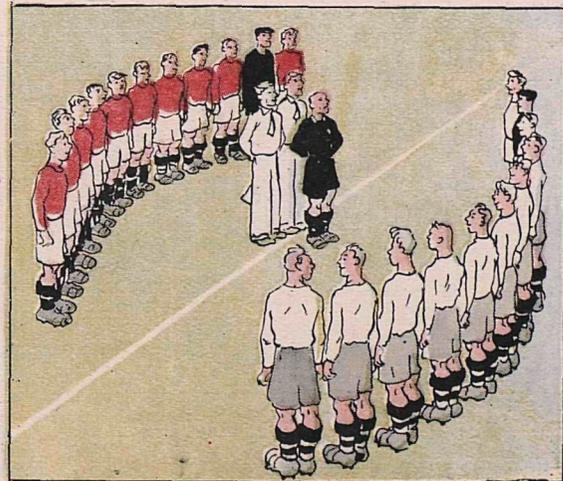

Грибной сезон начался.

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ ПОДХАЛИМА

— С сегодняшнего дня, Мишенька, давай слушаться маму: она у нас назначена директором завода!

ОСТАНОВКА ЗА МАЛЫМ

— Скоро матч начнётся?
— Как только в наше селпо футбольные мячи завезут!

В разработке тем к рисункам для этого номера принимали участие: А. Бинташев, В. Васильев, М. Вайсборд, Ю. Ганф, Я. Дымской, К. Елисеев, Э. Кроткий, В. Кулагин, Ю. Узбяков, Ю. Фёдоров, А. Чинарьков.

Оформление номера Г. Вальна.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 503. Подписано к печати 1/VIII 1950 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 05819.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2188. Тираж 275 000 экз.

